

Луна и король

A black and white photograph showing a full moon in the lower-left foreground. The moon is bright and circular, with some surface detail visible. The background is a dark, textured landscape, possibly a field or a body of water, with a line of trees or hills in the distance. The sky is filled with soft, wispy clouds. The overall tone is dark and atmospheric.

[illegible]

она на ладок; проституткой – в ярком розованном платье и с размазанной помадой.

Но однажды она проснулась где-то в поле. Молодая весенняя трава колола ноги и бока. Она закрылась рукой от яркого утреннего солнца, встала, отряхнув платье, распустила волосы. Она закурилась в танце под музыку, которой не было – ведь это только ветер шуршал в траве, это только стреколеты кузнички, это только лишь кустики пролетели со свистом над ее головой, это только из-за того что было тепло и легкое. Она наклонилась, и раздвинула траву. Между ее пальцев развевалась и трепетала прядь седых волос. Она поднесла ее к лицу, прижала к щеке, а потом спрятала во вшивной кармашек на поясе. Собрав свои не богатые пожитки, она спустилась к реке, умыла лицо; развывая корост, умыла грудь и шею.

На постоялых дворах всегда было много разноразной публики, всегда было возможно но по случаю перехватить ломоть хлеба. Она положила дорожный мешок под деревянный стол, села на скамью. Она была голодна, но у нее не было денег. Кто-то душно играл на гармонике, и под это подобие музыки, сыпясь асы и пастушка друг против друга, пласты пласты, цвели две пьяные девки. Волосы у них распустились, щеки покраснелись, и покахтывались, они радостно обнимали друг друга за полные бока и припрыгивали, неумело толкаясь по кругу. Она заглядывала на них. Неожиданно воздух возмущался за спиной, рядом с ухом, шевельнувшись, ее кокетливая курочка на шею – на стол легла рука в белом кружевном манжете, выглядывающем из-под темновышнего бархата. Золотые пуговицы многобожащего сверкнули. Она повернулась. Господин в бархатном камзоле был широк в плечах, довольно упитан, отчего шаровый жилет утрачивающе натянулся на его плечи, и он, выходящий из-под плеча, пускаясь двумя волнами по плечам. Он опустился на скамью рядом с ней. Ее затопило облаком дорогих духов, сложно смешанным с запахом ода, неценных зубов и только что съеденной баранины. Он наклонился к ее лицу и сказал:

– Две золотые монеты твоя, если ты дашь господину пососать молоку из твоей розовой груди. – Мальчишка лет десяти в грязном фарфуре и красной шапочке подмастерья пронес мимо, держа над головой, поднос с только что пожаренным мясом и нарезанными овощами. У нее помутилось перед глазами, закрыжилось колесом пространство – и тапнувшие пляжники, и из-под колес выходящие по рукам, из-под колес выходящая волосатая старуха, и чумазики ребенок, сидящий на полу в одной рубашонке, зашедший в неулыбанным плаче, и древняя старуха в красном платье и с серьгой в ноздре, крихло хохочущая беззубым черным ротом...

Она встала, взяла с пола свой мешок и, не поднимая глаз, кинула головой.

Он потянул ее куда-то наверх по скрипящей плитой лестнице, крепко и больно зажав в своей правой ладони ее руку и на ходу растаскивая жилет. Стукнувшись головой о прилобок, она даже не успела разотреться. Плакаты на стене, на которых жирные буквы о буханку, Пыхты и тяжело дыша, господин остановился перед дверью, достал из кармана ключ. Не выпуская ее руки, он попытался вставить его, но никак не попал в замочную скважину и уже начал злиться и плеваться от злости сплоной, но наконец дверь поддалась.

Сбросив на пол камзол, он толкнул ее в грудь и вместе с ней повалился на кровать. Потом... подрагивал над головой баддакин, скрипели старые пружины.

Утром она оделась, зашнуровала корсет и, таща по полу свой мешок, вышла из комнаты. В руке она сжимала холостые монеты.

Она вышла на улицу, и увидела, что прошедшим вечером буйствовала вечерница, она присела на скамью. Держа во рту гнилые шишки, она по очереди закалывала их в пучок, придерживая волосы рукой. Засыпанный хозяин протирал безнадоежно грязный и злаяпанный прилавок, раставляя в ряды пивные кружки и глиняные кувшины из-под вина. Мальчишка в красной шапочке, проходя мимо и таща в руках грязные тарелки, остановился перед ней. Поставив тарелку на стол, он снял шапочку и показал ей монетку. Видя, что она не реагирует на его намеки, он наклонился и тихим шепотом сказал:

Пидлещи со мной в кладовую? Там на мешках удобно. – Она подняла на него мутные глаза. Мельком посмотрев на хозяина – не смотрит ли, – мальчишка растегнул гульфик и извлек свое хозяйство. – Смотри, какой большой! Овцам нравится! – Она отшатнулась, лицо ее болезненно перекосялось и, закрыв рот рукой, она выбежала на улицу, благодаря дверь была открыта настежь. Ее вырвало прямо перед входом. Она вытерла рот в бесслизистой сползла по стене на землю. Мальчишка, затюганот, убрал свое достояние в штаны и, сказав: ее мешок, швырнул его на улицу. – Это овцам нравится! – Слова затюганот он и, отпихнув ее ногой, запер дверь.

Она плелась по переулку, кутаясь в дырявый шарф, стараясь спрятать красивые оконечные руки в рукава платья. На углу маленький человек в красном лняном пальто и

он цилиндр крутил гнутую ручку диковинной машины. Она встала напротив. Обратив на нее внимание, человек достал из кармана желтое яблоко и, подмигнув, бросил ей. Она поймала, смущенно кивнула головой. Он козырнул ей, улыбаясь светлыми голубыми глазами, и вновь закрутил ручку. Из сеточки на боку ящика стала доносясь неровная дрожжащая грустная музыка, создаваемая невидимыми молоточками, валликами и пестиками, стучащими по металлическим чашечкам. Сверху в разноцветных стеклянных окошках задигались картинки. Она пригласила, жуя яблоко и мелко дрожая от холода. На картинках разыгрывалась целая история, которую комментировал и дополнял разными драматическими подробностями сам шарманщик. Сильным низким голосом, наклоняя голову то на один бок, то на другой, пытаясь попасть в мелодию, распевал:

— Когда-то в замке вместе с ним жили старшая королева и старый король, но пришло время и, взвизгнув за ручки, они ушли вместе, в далекую Зеленую страну, где никогда не заходит солнце, никогда не замолкают птицы и всегда в воздухе вращаются платяные бабочки. Это так изобразично крошечную вещь! зашпнух он в рот и издал переливчатый верещащий свист, напоминающий голоса птиц. Вынув свистулку из рта, он продолжил свой рассказ. — Маленький принц был вынужден надеть корону, сесть на трон и ехать королем. ...И король остался совершенно один в своем большом замке. Ему было грустно и плохо. И он прокрутился с мышами, живущими в чулане, с кроликами, живущими в саду, с луной, вшившей над крыльцом каждую ночь. Луна дарила ему подарки, обливая серебряным дождем. Она заполнила собой его разум, но не смогла поселиться в его замке, потому что король в конце концов закрыл все двери и окна, и луна больше не могла проникнуть внутрь. И однажды к нему в замок пришла гостья. Это была она — Луна. Она захотела полностью завладеть его сердцем. Она пришла из страны, где всегда ночь и горы из голубого льда, а озеро из жидкого серебра. Она обманула его, нанесла удар в самое сердце. Она убила всех корольков в его саду, услышала залетевших за ограду птичек, чтобы никто и ничто не пробило короля от смертельного сна, в котором она приходила к нему. Он спит уже давно, и руки, и лицо его покрылись морщинами, волосы поседели и отрасли ниже плеч, отросла длинная белая борода. Руки его сложены на груди, как у старца, и в них сверкает светом. И в самом деле должен умереть. Сердце его бьется все тише и медленнее. Шарманщик грустно замолчал и развел руками. Ручка прокрутилась и на полуобороте замерла — ящик затих. Она подошла к шарманщику ближе и спросила, глотая холодный воздух:

— А где находится этот замок? Его ведь можно найти? — Он улыбаясь, закашлялся и прикрыл рот рукой в черной перчатке.

— Это сказка, сударыня! Сказка для детей!

— Вы назвали меня — сударыня? — Переспросила она, но поверив услышанному. На глазах у нее уже выступили слезы, но она сдержалась.

Я всех женщин называю — сударыня! — С уважением поклонившись, ответил шарманщик.

— Неужели это все только выдумка? Пустая выдумка? Неужели ему никогда не быть счастливым? — Сокрушалась она.

— Кому? — удивился шарманщик. — Что вас так расстроило в моей сказке, сударыня?

— Это несправедливо. — Все повторяла она, чуть не плача, но все же не плача. — Скажите мне, как найти этот замок? — Она схватила его за ворот пальто.

— Идите за солнцем. — Испуганно ответил он, — вот и все, просто идите за солнцем.

Я пошла. — Уже спокойнее сказала она. — Я пошла. — Она отпустила его, поправила на плече мехов. — Спасибо. Я.я найду. — Она кивнула и пошла вниз по грязной улочке, шлепая по мокрому серошейной грязи обмотанным тряпьем боским ногам. Шарманчик пожал плечами, вновь засунув в рот маленькую свистулку и, поспевая в вереща, продолжил крутить ручку волшебного ящика. Вновь ожил в цветных окошках картинка, заскрежатали таинственные валлики. А маленькая фигурка все удалялась, и уже оранжевые лучи заспающего вечернего летнего солнца обняли ее сзади, и она пошла к солнцу.

— Дамы и господа! Слушайте и смотрите, — он указал рукой на картинку, — историю про грустного короля, который заснул смертельным сном, и про маленькую принцессу, пришедшую из далекой страны и разбудившую своим силой любви. — На прокручивании шкатулки шарманчик обнаружил, что в ящике человек в короне с пернатыми зубами, схватившись за грудь, на которой было нарисовано трапегадное кровавое сердце. А на следующей картинке была нарисована Она в розовом детском платье, в венке из красных анемонов. Дамы и господа! Покупайте!

— Сумасшедшая! Она — сумасшедшая! — перешептывались, хихикая, деревенские мальчишки, сидя на полуразвалившемся заборе на развилке дорог и болтая ногами. — Спрашивается про какого-то короля, про замок, про лужайку... Гапересби! Начальник! Вспомните! Мальчишки и покатаются, плетясь вслед молодой женщине. Сумасшедшая! — Уже совсем громко крикнул крупный мальчишка с соломенными волосами и уже начинающим багрово-красным носом. Она покрутила пальцем у виска и захохотал так, что завалился с забора на размякшую от дождя дорогу. Теперь уже над ней хохотали остальные мальчишки, сразу же забыв и про чудачку с мешком на плече, и про бой двух тощих и без тол бообранных и грязных петухов, которыми она были заняты раньше.

Она не обращала внимания на зевак, глазелющих на нее в деревьях и городках, она была занята на дегей, бросающих в нее камнями, на пухляках, плывущих по реке, на измазанных забрызганных кровью фартуках, бросающих ей под ноги уже начинающую разлагаться тrefбуху, не раздражали и не вызвали отвращения похотливые переронгишки скота и торговцы, пытающиеся пососком задрать ей юбку; не задевали безумные старухи, осеменяющие с крестным знаменем, ибо им она казалась колдуньей. Она все время смотрела вперед и шла на солнце, всегда в одном направлении. Иногда она не могла вспомнить, когда ella в последний раз, и только инстинкт кошки возвращал ее разум в реальность, и тогда она наминалась в прачки или перебирала и мыла ововши в сакалейной лавке, воруя про запас коровьи сосиски. Но она никогда не плакала. Она спрашивала у каждого, встречающегося на ее пути, про замок, про старую королеву, короля и их сына, но в ответ she лишь пожимала плечами и недоуменно качала головой, поспрашивая на убогую с сожалением и некоторой опаской. Но она продолжала идти вслед солнцу, ведь оно выходило каждое утро, и она пробуждалась и обходила замку вместе с ним, пока один странный человек с длинной черной бородой, в синем камзоле с серебряными звездами вместо пуговиц, не открыл ей простой истины, что солнце садится с одной стороны, а восходит совсем с другой. Земля оказалась круглой, черт побери, и Она доказала это, да-да, доказала. Но она никогда не плакала. Она просто надела на плечо свой поуходный мешок и ушла.

Она шла через горю, не поднимая глаз на дююдей, разоблаченных ее тайну, а потом вдруг... она услышала эту странную несущетрующуюся немую музыку, и вот тогда она нашла в траве белый от скорби волос, и вот тогда, оглянувшись, она увидела выросшую из-под травы грозную каменную ограду, распродуюющую, из-за которой виднелись башенки с покосившимися флюгерами. Она побежала к стене, чтобы убедиться, что это не миф. И видение не исчезло. Она дотрагивалась до предельной высоты, пытаясь увидеть, что предельная доставала до их жухов и личинок, отогревая их на ладони. Она окуналась с головой в густые заросли, а потом легла на колючие ветви, и ее накарлы измурюмным полотном. Здесь была поздняя весна — бабочки щекалоли кожу, солнце металось пятнами по листву и платью. А там... что-то твердое уперлось ей в спину. Она разинувала ветви, дернула большое ржавое кольцо. Что-то кружкетнуло, крикнуло и незаметная, из плотно сбуженных досок с коваными проржавевшими гвоздями и покрытая мякотью мха дверь поднялась. Из открывшегося проема заструился светлый поток, и она почувствовала, что она пришла за огрудой на коромысла, в полный рос, и позволяла телечам, плывущим за плате гуща... Пятнистые листья дуби будто с неба ей на голову. Вековые дубы и вязаи шелестели желтзной высоко в голубом море, уходяи стволами в небытие. Здесь не пели птицы, но квакали лягушки и не пускали пузыри задумчивые рыбы в заспанном листьями саду, здесь никто не гулял по дорожкам, никто не собирал и не мочил золотых яблок, раскатившихся по земле под деревьями. Здесь была вечная осень, моросящая мелким дождем на полинявшие беспризорные растерянные астры, не обесцвеченные пылью дождя. Она злила за широкую полосу темного лестница словои зывала вверх, и, сбросив мешок, Она пригладала волосы, и, высоко подняв голову, стала осторожно подниматься, опираясь на перила. Темнота становилась гуще, предельски поскрипывали ступени, отзывалось на скрип пошвысавшим мышином сердце. Дойдя до по-

недвигательной ступни, она остановилась. Она беспоечно зашарила в темноте руками, пальцы зацепили торчащий из стены или двери загнутый крайком гвоздя, тихонько постучала. Подождала. Потом резко открыла дверь.

Посреди комнаты на большой кровати под занавесью из пачутины, свисающей со всех сторон с балдахина, скрестив руки на груди, лежал старик. Волосы его доросли на плечи, борода покрывала голову и легла уже до пояса. Лицо его было в морщинах, глаза закрыты, а потому венчала корона. Она подошла, скрестив пальцы, села на кресло и, положив руки на колени, стала белыми пальцами стаскивать его, а потом, уронив голову ему на грудь, заплакала тихо и отчаянно, так, как не плакала даже в детстве. Она подняла голову и вдруг заметила напротив маленькую сутулую женщину с грустными темными глазами, с растрепанными, уже начинающими сесть волосами, собранными в жалкий пучок на затылке, с дергающимися подбородком и мокрыми щеками; женщину, склонившуюся над древним заросшим стариком. И вдруг она вспомнила, что когда-то видела в отражении зеркала девушку, смутно напоминавшую ей эту женщину, с такими же темными глазами и растрепанным лицом.

Пробуждение началось, с тепла, которое лютилось где-то в области груди и в руке. Сердце начало отдавать, билось все быстрее, быстрее! Маленькое светлое счастье было совсем рядом, только ждало его возвращения, и он уже знал, что оно есть, что оно бывает! И тогда светилось вокруг и внутри него. Стягивавшая скорлупа потрескалась и обсыпалась, и он мог расправить отменные руки и глубоко вдохнуть. Это желтенькое тепло вырвало его из снейи мутн непрекращающихся воспоминаний и опустило в комнату, где он лежал на постели, а под креслом проходил конус солнечных лучей, в котором уперлся, пылянку. Он приподнял голову и увидел Ее, слышную на его груди. Выводов руки, они потянулись к его маленькому розовому уху, потрогали мягкие волосы, в которых застряли пожелтевшие травинки и умершая бабочка. Она пророснула и посмотрела на него,

— Как долго ты спал! — сказала она, сжав его пальцы в своей руке. — У тебя сгорели и полуперли... Она отмахнулась и улыбнулась.

Да и буйон, который я тебе сварила, уже совсем остыл.

— А... лунта?.. — с трудом выговорил он. Язык пока плохо его слушался.

— У тебя чистый пруд от листьев. Она ведь любит пользоваться на себя. Я зачерпнула ее в ведро, вылила в яму и закопала. Навсегда. Да и буйон, тыль мы повесим фонарь. Нам не будет темно.

— У тебя мертвая бабочка в волосах, — п-ролепетал он.

— Она не мертвая. Она просто спит. До весны, — сказала она.

Вечерами они сидели на крыльце за плетенным столом и смотрели на свечу, метавшуюся попоу фонарем за зелеными стеклами. По их лицам бликами шалили осторожный свет. Она не рассказывала про себя, потому что все ее предыдущая жизнь как будто исчезла из памяти, сменялась, как песочные фигуры с раздуванием ветра, поворотами, сменялись детством в старом черном ботинке, оставались только ракушки и камни, вешники, но он не задавал вопросов.

Король и простая бродяжка. Бродяжка и бедный король. Они были счастливы от присутствия друг друга рядом, счастливы вдвоем, счастливы, составляя целый мир, дополняя друг друга, как плоти и каменная стена. И в его душе тоже завелись бабочки и жуки, ползали по всему его существу, иногда веселя и доводя до детского хохота и буйного восторга, а иногда расстраивая до плача. И тогда она хлопотала вокруг него, укладывала, как маленького в постель, помогала облачиться в одежду и укладывала его, сонного, сидящего, в ванну, она спускала его по голове и мыла, пока под нос песенку собственного сочинения.

Она валилась на полу, обнимаясь и целуясь в губы, превращаясь иногда в голубых львов, катающихся по земле, обвивавших друг друга мягкими широкими лапами и покусывающих в шепеле с утробным нежным ревом, и вытягивавшихся в ленивой позе на жарком песке саванны...

Душа старой королевы успокоилась и покинула своего навестда, оставив только сквозняки и вечные следы на полу.

Она была счастлива каждый день, а каждый день — это день. Старость раздалась, и она была счастлива, вставая в стороне, потому что перестала умирать из этого дома. Его просто не было. Что ж, в этой сказке не раз нарушались законы природы, физики и здравого смысла. А про луну никто никогда не вспоминал.